УДК 821.161.1.09

**«ВОЙНА И МИР» Л. ТОЛСТОГО И «ИЛИАДА» ГОМЕРА:
ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ЭПОСА**

© Г. А. Ахметова

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел./факс: + 7 (347) 273 68 74.**Email: toha230@rambler.ru*

В статье рассматриваются средства образной экспрессии в эпосах Гомера и Льва Толстого. Устойчивые эпитеты, сравнения и метафоры, обильно представленные в «Илиаде» и «Войне и мире», анализируются с точки зрения отражения глубинного содержательного родства двух произведений. Подобно Гомеру, Толстой использует эпитеты, сравнения и метафоры, чтобы связать и противопоставить два плана существования: сиюминутный и бытийный, хаос войны и естественный мир природы. Гомеровское «двойное» восприятие бытия, ощущение за хаосом войны природного мира глубоко созвучно Толстому.

Ключевые слова: Гомер, Л. Толстой, «Илиада», «Война и мир», эпитеты, сравнения, метафоры, война, мир.

Черты эпоса в «Войне и мире» Льва Толстого не раз становились предметом внимания в работах А. Сабурова [1], Б. Чичерина [2], Я. Билинкиса [3], С. Бочарова [4], А. Опульской [5]. Были попытки конкретного сравнительного исследования «Илиады» Гомера и романа «Война и мир». Так, Г. Гачев смело анализирует связи между художественными формами, разделенными тремя тысячелетиями [6]. Ученый сосредоточился на эпическом принципе двойной мотивировки событий, о котором еще Гегель писал применительно к «Илиаде» [7]. По мысли Г. Гачева, двойное, или параллельное, объяснение поступков людей и событий субъективной волей человека и внеличными силами лежит в основе эпического видения мира Гомера и Льва Толстого [6, с. 108–143].

Невозможно выразить в одной работе многообразные связи между Толстым и Гомером. Но очевидно, что черты эпоса обнаруживают себя не только в двойной мотивировке событий в «Илиаде» и «Войне и мире», но и во многих других стилизованных и содержательных особенностях двух произведений. Некоторые из них уже стали предметом внимания автора данной работы [8].

В настоящей статье речь идет о средствах образной экспрессии, обилие которых в «Илиаде» и «Войне и мире» не вызывает сомнений: эпитетах, сравнениях и метафорах. Тропы предстают не просто как привычные средства выразительности: они вбирают в себя глубинное содержание эпосов Гомера и Толстого.

Устойчивые эпитеты, сравнения и метафоры – хорошо известная примета гомеровского стиля. По мнению А. Ф. Лосева, «искусство Гомера целиком было рассчитано на слушателей и должно было производить на

них впечатление музыкального произведения, в котором повторяются определенные выражения и помогают запоминанию эпических тем» [9, с. 18]. В устной поэзии повторяющаяся деталь или целая фраза помогают памяти певца и слушателей. Повторы вызывают в памяти более ранние эпизоды сказания. Повторение и использование устойчивых формул – проявление традиционной эпической техники, дающей слушателям возможность удерживать в памяти длинное сказание. В повторах заложен и чисто художественный эффект. Применяемые к литературному герою, они служат средством его характеристики.

Мир Гомера красочен и по-своему пластичен. Поэт любит все яркое для ощущения и выразительное для чувственного восприятия. Устойчивые живописные эпитеты сопровождают описания Богов. Эос – «розовоперстая вестница утра»; Аполлон – «сребролукий» и «далекоразящий», у него «золотисто-светлые» волосы; Гера – «златотронная» супруга Зевса; у Афродиты – «золотое» одеяние; у Деметры – «темно-синее покрывало».

Образы земных людей также запоминаются благодаря немногим, но выразительным эпитетам. Так, Елена – «лилейнораменная» подруга Париса, Брисеида – «фрумяноланитная» пленница Ахилла, Навсикая – «прекраснолицая» и «белолокотная» дочь Алкиноя, ахейцы – «прекраснопоножные» воины, троянские женщины – «волочащие одежды».

Благодаря устойчивым эпитетам Гомеру удается создать образы эпически выразительные, полнокровные, далекие от прямолинейности и схематизма. Одиссей не просто «хитроумный», но всегда «многострадальный», «ненавистный богам». Ахилл – «быстроногий» и «благородный», но при этом

у него «жестокое сердце» и «горделивейший дух». Эпитеты передают полноту черт и создают законченный образ. Устойчивые эпитеты – результат ясного, емкого и вместе с тем красочного стиля Гомера.

Объемность и протяженность «Войны и мира» в сочетании с фактом журнальной публикации романа по частям – создавали трудности восприятия, аналогичные восприятию устной поэзии. Используя устойчивые эпитеты и детали, Толстой помогает читателю удерживать в памяти пространное повествование, множество персонажей и ситуаций.

Устойчивый эпитет и повторяющаяся деталь имеют у Толстого и чисто изобразительный эффект. Как и у Гомера, это средство емкого и выразительного живописания. У княжны Марьи всегда «лучистые глаза», и ходит она «тяжелыми шагами». У «маленькой княгини» Лизы Болконской неизменно прелестна «короткая губка» и «черные усики» над ней. Руки Наполеона – предмет постоянного напоминания, как и «белые, пухлые руки» Сперанского. Элен всегда улыбается «однообразной» и «блестящей» улыбкой и неизменно поражает взор «античной» красотой плеч и груди. Пьер связан с очками. Легкая походка Наташи и ее живая грация много раз подчеркнуты Толстым. Дефект в речи Денисова не только создает комический эффект, но и позволяет отличить гусара от множества других военных лиц. Д. С. Мережковский, анализируя короткий трагический эпизод убийства Верещагина в романе, заметил, что «тонкая шея» Верещагина упомянута пять раз [10, с. 92–93].

С помощью постоянных эпитетов и деталей Толстому удается усложнять и драматизировать свои портреты, избегая многословия. Так, неизменно «красивое и наглое» лицо Долохова после ранения на дуэли с Пьером на короткий миг делается жалким, дрожащим и страдающим, когда он думает о своей обожаемой матери.

Благодаря устойчивым эпитетам толстовские герои телесны и полнокровны. Впечатление грациозности и очарования Наташи навсегда остается в памяти. Оттого так трудно поверить автору, рассказавшему в эпилоге о том, что Наташа, выйдя замуж за Пьера, потеряла свое очарование, стала толстой, неряшливой, ревливой.

Еще более важно то, что Толстой, подобно Гомеру, использует эпитеты, сравнения и метафоры, чтобы связать и противопоставить два плана существования: сиюминутный и бытийный, хаос войны и пасторальный мир природы.

В «Илиаде» такие эпитеты, как «розовоперстая Эос», «винночерное море»,

или сравнения, в которых ярость воина уподобляется прыжку льва в стадо овец, не просто обращены к памяти читателя. Такие тропы создают образ природного мира, перед которым разворачивается героическое действие. Они образуют стабильную реальность, которая дает персонажам и общей картине законченность и размеры.

Описывая сражение с троянцами двух Аяксов плечом к плечу, Гомер вводит через сравнение иной, природный план человеческого существования, чтобы рассказать о том, как греки пашут землю:

Так плуговые волны по глубокому пару степному

Черные, крепостью разные, плуг многослойный волочат [11, с. 376].

В принципе, эпические сравнения восходят к привычному в устном творчестве параллелизму, но у Гомера сравнения редко встречаются в простой и краткой форме. Гомеровские сравнения приобретают характер развернутых и вполне законченных картин, причем содержанием их становятся либо природный мир, либо зарисовки из мирного быта, сами по себе необычные в героическом эпосе.

В гомеровских сравнениях предстают мирная жизнь, труд и природа, при том что в непосредственном сюжете «Илиады» очень много страдания и крови. Например, описывая яростное возбуждение в стане ахейцев, Гомер использует развернутое сравнение воинства с морем и нивой в бурю:

Встал, всколебался народ, как огромные волны морские,

Если и Нот их и Эвр, на водах Икарийского понта,

Вздуют, ударивши оба из облаков Зевса владыки;

Или, как Зефир обширную ниву жестоко волнует,

Вдруг налетев, и над нею бушующий клонит колосья;

Так их собрание все взволновалось [11, с. 51].

Развернутые сравнения в «Илиаде» близки описанию знаменитого щита Ахилла с изображением небесного свода, светил, а также картин охоты, мирного труда, танцев, веселия. Мир, воспроизведенный на щите героя, уравнивает сцены яростных и кровавых сражений, вносит в них успокаивающее, замедляющее начало. Об удивительном искусстве Гефеста сказано:

Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню,

Рыхлый, три раза распаханый пар, на нем

Гонят яремых волов, и назад и вперед обращающаяся;

И всегда, как обратно к концу приближаются нивы,

Каждому в руки им кубок вина, веселящего сердце,

Муж подает (...) [11, с. 375]

Сравнения Гомера, с их картинами сельского труда, природного цикла, уравнивают свирепость сражения и напоминают, что где-то есть спокойная, нормальная жизнь. Сравнения усиливают пасторальные настроения, вносят светлый тон оптимизма. Гомер говорит, что Троянская война не затронула жизни всех людей. Посреди горя и быстрых перемен в человеческой жизни неизменные формулы утверждают, что «розовоперстая Эос» будет следовать после ночи, что «винно-черное море» будет омывать землю, когда Троянская война закончится.

Подобно Гомеру, Толстой использует устойчивые эпитеты и сравнения, чтобы помочь памяти читателя в обширном пространстве повествования и чтобы создать двойной взгляд на бытие. Как и Гомер, Толстой противопоставляет два плана существования: сиюминутный хаос войны и стабильный природный цикл.

В третьей главе четвертой книги «Войны и мира» Толстой описывает обед в Английском клубе в честь Багратиона, героя Шенграбенского сражения. За устройство обеда отвечает граф Илья Ростов, который на время откладывает в сторону финансовое расстройство, угрожающее его семье.

Толстой рисует торжество: старичков – старейшин клуба, молодых героев, вернувшихся с войны, испуганных слуг. Но в подтексте описания торжественного обеда скрыто неодобрение: ощущение чрезмерной роскоши, избыточности жизни, несерьезности интересов. Когда лакей вошел и сообщил, что почетный гость прибыл, «раздались звонки; старшины бросились вперед; разбросанные в разных комнатах гости, как встряхнутая рожь на лопате, столпились в одну кучу и остановились в большой гостиной у дверей залы» [12, с. 21].

А чуть раньше Толстой сравнил блестящую публику Английского клуба с весенними пчелами: «(...) как пчелы на весеннем пролете, сновали взад и вперед, сидели, стояли, сходились и расходились, в мундирах, фраках и еще кое-кто в пудре и кафтанах члены и гости клуба» [12, с. 20].

Сравнения таят двойной эффект. В первую очередь – иронический. Уподобляя гостей и почетных членов клуба то снующим весной пчелам, то зернам ржи на лопате, Толстой снижает эту публику до чего-то суетного, бессильного и смешного. Сравнения намекают на несерьезность высокого собрания. С другой стороны, писатель возвращает память к естественной жизни в противоположность с миром Английского клуба, дает почувствовать фальшь столичного мира в сравнении с жизнью природы.

Сравнения Гомера и Толстого таят еще один эффект, отмеченный Г. Гачевым: «Войной и миром мыслит Гомер. (...) Все сцены мира, жизни вводятся

в «Илиаду» (...) через развернутые сравнения, – обнаруживая свое родство с войной и сплетаясь в один клубок с ситуацией смерти» [13, с. 119]. И в этом Толстой вновь близок Гомеру, который первый ощутил общую, коренную ситуацию «охоты» в мирной жизни и военных сражениях.

У Гомера природный мир как бы «прорастает» войной, сплетается с ней в ситуации смерти. В «Илиаде» привычно сравнение сражения с охотой. Так, Одиссей и Диомед преследуют троянца Долона, как две охотничьи собаки преследуют лань или зайца:

Словно как два острозубые пса, приобывшие к ловле,

Серну иль зайца подняв, постоянно упорные гонят

Местом лесистым, а он пред гонящими, визгая, скачет, –

Так Диомед и рушитель градов Одиссей илионца Подем, отрезав от войск, постоянно упорные гнали [11, с. 206].

Слепую ярость и свирепость в бою Патрокла и его товарищей Гомер передает через развернутое сравнение человека с волком:

Подобно как волки,
Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,

Кои еленя рогатого, в дебри нагорной повергнув,
Зверски терзают; у всех обгадровлены кровию пасти,

После, стаею целой, к источнику черному рыщут;

Там языками их гибкими мутную воду потока Локчут, рыгая кровь поглощенную; в персях их бьется

Неукротимое сердце, и всех их раздуты утробы, –
В брань таковы мирмидонян вожжи и строителей ратей

Рябли окрест Патрокла, слуги Эакида героя, Боем пылая [11, с. 317].

Развернутое сравнение безжалостного воина со свирепым волком или львом, нападающим на стадо быков или овец, вновь и вновь повторяется в «Илиаде»:

Словно свирепые волки на коз нападают или агнцев,

Их вырывая из стад, которым неопытный пастырь

Дал по горам рассеяться; волки, едва их завидят, Быстро напав, раздирают бессильных и трепетных тварей, –

Так на троян напали ахейцы [11, с. 322].

Война у Гомера сопоставляется не только с охотой, но и рыбной ловлей, «уловом». В «Илиаде» много устойчивых сравнений боя с рыбной ловлей. Так, падение и гибель героя в бою Гомер уподобляет прыжку рыбы из воды на сушу во время бури:

(...) подломившись, рухнулись крепкие члены.

Словно с порывом Бореевым прыгает рыба из моря

На берег миистый и вдруг покрывается мутной волною, –

Так пораженный упал Эвриал [11, с. 456–457].

Гомер часто уподобляет смерть рыбаку с богатым уловом. Раненного в бою Фестора Патрокл тащит при помощи копья, как вытаскивают на крючке рыбу из воды:

(...) ему, налетевший, он медную пику

В правую челюсть вонзил и пробил Энопиду сквозь зубы;

Пикой его через край колесничный повлек он, как рыбарь,

Сидя на камне, нависнувшем в море, великую рыбу

Быстро из волн извлекает и нитью и медью блестящей, –

Так Энопида зиявшего влек он сверкающей пикой [11, с. 324].

Полет Ириды, вестницы Зевса, подобен забрасыванию удочки с тяжелым свинцовым грузилом в воду для рыбной ловли:

Быстро в пучину Ирида, подобно свинцу, погрузилась,

Ежели он, прикрепленный под рогом вола стенового,

Мчится, коварный, рыбам прожорливым гибель несущий [11, с. 465].

Устойчивое сравнение смерти в бою с рыбной ловлей приобретает в «Илиаде» метафорический характер (Возможно, И. Тургенев в романе «Накануне», уподобляет смерть рыбаку, также помнил о Гомере: «Смерть, как рыбак, который поймал рыбу в свою сеть и оставляет ее на время в воде: рыба еще плавает, но сеть на ней, и рыбак выхватит ее – когда захочет») [14, с. 327].

Толстой следует за Гомером, оставаясь при этом самим собой. Романисту не просто близко уподобление яростного сражения охоте. Сравнение это становится одной из ключевых метафор в «Войне и мире».

Но есть и существенное различие. Толстовское описание войны как «охоты» таит скрытый пацифизм, не совместимый с героической версией войны у Гомера. По мысли Толстого, азарт военной «охоты» сопряжен с неизбежной или вынужденной жестокостью, нравственной слепотой, сознательно напущенной на себя человеком. Нравственная «миопия» освобождает человека от жалости к зверю на охоте и от сострадания к врагу на войне. Толстой отличается от Гомера ничем не затемненной нравственной зоркостью взгляда на войну.

Известен комментарий Толстого в черновиках к знаменитому эпизоду охоты Ростовых на волка и одновременно – к философским рассуждениям о стихийном поведении человека на войне: «(...) если бы не было (...) рассуждений, не было бы и

описаний. Только потому так подробно описана охота, что она одинаково важна ...».

Сцену охоты – описание зайца, затравленного кобелем Ругаем, волка, взятого живьем, а также «дикого визга» Наташи – некоторые исследователи трактуют как пример «природности», «натуральности» Ростовых [4, с. 20–21]. Но в черновом варианте описания охоты Наташа, помимо своего «дикого визга», прокричала Николаю: «Nicolas! ... я сама заколю!» [15, с. 775]. Она готова заколоть живого волка, попавшегося охотникам во время облавы.

Еще более глубокий смысл сцены охоты приоткрывает рассуждение Толстого о партизанской войне в черновом варианте романа: «Это было странное чувство, не только подобное, но совершенно тождественное чувству охоты – не на зверя, а на людей. То же было, как на охоте, поглощение всех человеческих способностей в бессмысленном желании взять убитым или живым, но взять. То же заглушение человеческого чувства жалости к своей дичи и то же внутреннее сознание невинности в жесткости вследствие трудов и опасностей, переносимых охотником.

Как человек, содрогающийся от ужаса и готовый плакать при виде зарезанного цыпленка, спокойно, не видя его страданий, добывает волка или прирезывает зайца или стреляет бекаса, так точно в число 10 000 партизан, действовавших в то время, добивавших французов, большая часть были люди, не могущие видеть человеческих страданий. Для совершения тогда необходимого и неизбежного дела, уничтожения нашествия, нужно было, чтобы на людей, исполнявших это дело, была напущена слепота, и слепота эта была напущена на них этим чувством охоты на людей» [16, с. 120].

В «Войне и мире» охота становится универсальной метафорой слепой жестокости войны. Охотничьему жестокому азарту уподобляется партизанская война, «дубина народной войны». То и другое, по Толстому, сопряжено с нравственной «миопией». Так гомеровское сравнение сражения с охотой трансформируется в романе Толстого в грандиозную метафору, таящую скрытый пацифизм, осуждение войны.

Еще один пример оригинального усвоения Толстым гомеровской образности – уподобление внешне хаотического движения человеческих масс на войне пчелиному рою. Гомер много раз несметное множество греков сравнивает то с пчелиным роем, то с роями ос или мух:

Словно как пчелы, из горных пещер вылетая роями,

Мчатся густые, всечасно за купою новая купа;

В образе гроздий они над цветами весенними вьются,

Или то здесь, несчетной толпою, то там пролетают, –

*Так аргивян племена, от своих кораблей и от
кущей,*

*Вкруг по безмерному берегу, несчетные, к
сонму тянулись*

Быстро толпа за толпой [11, с. 49].

Или – аналогичное сравнение:

*Стали ахейя сыны на лугу Скамандра
цветущем,*

*Тьмы, как листы на деревьях, как цветы на
долинах весною.*

*Словно как мух несчетных рои собираясь густые
В сельской пастушеской куще, по ней
беспреданно кружатся*

*В веиние дни, как млеко изобильно струится в
сосуды, –*

Так несчетны против троян браноносцы данай

*В поле стояли и, боем дыша, истребить их
горели* [11, с. 60].

Развернутое сравнение внешне хаотического сражения с пчелиным роем положено в основу толстовской «роевой» философии истории, отрицающей роль «героев» и «гениев» в историческом процессе. Толстовское понимание истории принципиально антигероично. Истории «великих людей» романист противопоставляет стихийное, «роевое» движение больших масс людей, руководимых Провидением: «Сердце царев – в руке Божьей» [17, с. 10].

Так гомеровское сравнение человечества с пчелиным роем повторяется в «Войне и мире» в особой, толстовской интерпретации.

Толстой во многих эпизодах по-своему использует сравнение, найденное автором «Илиады». Например, Москва, оставленная жителями накануне вступления в нее французов, сравнивается с ульем, покинутым пчелами. Сравнение Москвы с пустым ульем развернуто в духе Гомера в самостоятельный, полнокровный образ: «Она была пуста, как пуста бывает домирующий, обезматочивший улей. В обезматочившем улье уже нет жизни, но на поверхностный взгляд он кажется таким же живым, как и други. Но стоит приглядеться к нему, чтобы понять, что в этом улье уже нет жизни. Не так, как в живых ульях, летают пчелы, не тот запах, не тот звук поражают пчеловода» [17, с. 329].

В «Войне и мире» искусство Толстого лее близко соприкасается с искусством Гомера. «Война и мир» – толстовское подражание «Илиаде», но такое, в котором философия героического эпоса менее всего использована. Скрытый пацифизм Толстого, «роевая» философия истории, авторские «рассуждения» и стремление к логическому обоснованию истории – все это отличает Толстого от Гомера.

Но много общего. Прежде всего – «двойное зрение», присущее Толстому, как и Гомеру.

Развернутые сравнения Гомера переносят читателя с поля сражения, от хаоса войны, на мирные пастбища или просторы «винночерного» моря, в большой мир природы. Драма гомеровских героев – в осознании того, что мир осенних охот, урожаев, домашних дел непоправимо позади. При этом ясность их воспоминаний и постоянное вмешательство природного, стабильного бытия в шум и неистовство сражения дают повествованию замедление.

Толстой унаследовал от Гомера это разделенное восприятие мира. Толстому так же важно противопоставить два плана существования: цивилизацию с ее ненатуральными, нечеловеческими формами и природный мир полей, пастбищ, сенокоса, охот, работ на земле. При этом хаос войны и тишина природного мира могут быть взаимопроницаемы в ситуации смерти.

Так гомеровские устойчивые сравнения войны с охотой, человечества с пчелиным роем в романе «Война и мир» разворачиваются в универсальные метафоры и наполняются новым, толстовским смыслом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сабунов А. А. «Война и мир» Л. Н. Толстого. Проблематика и поэтика. М.: изд-во Моск. ун-та, 1959. 604 с.
2. Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. 2-е изд. М.: Советский писатель, 1975. 376 с.
3. Биликин Я. С. «Война и мир» Л. Н. Толстого: частная жизнь и история, прошлое и современность // Проблемы жанра в истории русской литературы. Ученые записки ЛГПИ. Л., 1969. Т. 320. С. 48–56.
4. Бочаров С. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир». 4-е изд. М.: Худож. лит., 1987. 156 с.
5. Опульская Л. Д. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». М.: Просвещение, 1987. 176 с.
6. Гачев Г. Д. Содержательность форм (Эпос: «Илиада» и «Война и мир») // Вопросы литературы. 1965, №10. С. 149–170.
7. Гегель. Лекции по эстетике. Соч. Т. XIV. М., 1958. С. 253–254.
8. Ахметова Г. А. Гомеровские традиции в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Великая Отечественная война в литературе, критике и журналистике: мат-лы Всероссийской науч. конф., посвященной 70-летию победы в Великой Отечественной войне и году литературы (г. Уфа, 29–30 октября 2015 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 142 с. С. 4–12.
9. Лосев А. Ф. Гомер. М.: Гос. уч.-пед. изд., 1960. 262 с.
10. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 588 с.
11. Гомер. Илиада. Одиссея. М.: Эксмо, 2007. 894 с.
12. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12-ти тт. Т. 5. М.: Худож. лит., 1974. 398 с.
13. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М.: Просвещение, 1968. 302 с.
14. Тургенев И. С. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. М.: Худ. лит., 1987. 446 с. С. 327.
15. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 13. М., Гослитиздат, 1955. 802 с.
16. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 15. М., Гослитиздат, 1956. 798 с.
17. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12-ти тт. Т. 6. М.: Худ. лит., 1974. 422 с.

Поступила в редакцию 14.02.2019 г.

“WAR AND PEACE” BY L. TOLSTOY AND “ILIAD” BY HOMER: THE EXPRESSIVENESS OF THE EPIC

© G. A. Akhmetova

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: + 7 (347) 273 68 74.

Email: toha230@rambler.ru

The author of the article discusses the means of figurative expression in the epos of Homer and Leo Tolstoy. Fixed epithets, comparisons, and metaphors abundantly presented in the “Iliad” and “War and Peace” are analyzed in terms of reflecting in them the deep meaningful kinship. Homer’s world is colorful and plastic. It brings Tolstoy together with the ancient author. Fixed epithet and repetitive detail have a pictorial effect both in the texts of Tolstoy and Homer; they appear as a means of succinct and expressive painting. There is even more significant fact: Tolstoy, like Homer, uses epithets, comparisons, and metaphors to connect and contrast the two planes of existence: the momentary and existential, the chaos of war and the pastoral world of nature. Homer’s “double” perception of being, the sensation of the chaos of the war beyond the natural world is deeply in tune with Tolstoy. In Homer’s text, the natural world seems to be “sprouting” with war, intertwining with it in a situation of death. It also makes Tolstoy again close to Homer, who was the first to feel the general, fundamental situation of “hunting” or “catching” in peaceful life and of fighting in military battles. Tolstoy is not just depicting a battle similar to a hunt. Tolstoy’s description of war as “hunting” harbors hidden pacifism incompatible with the Homer’s heroic version of war. Homer’s stable comparisons of wars with hunting and humanity with a bee swarm unfold in the novel “War and Peace” into universal metaphors that are filled with new Tolstoyan meaning.

Keywords: Homer, L. Tolstoy, Iliad, War and Peace, epithets, comparisons, metaphors, war, peace.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Saburov A. A. «Voyna i mir» L. N. Tolstogo. Problematika i poetika [“War and Peace” by L. N. Tolstoy. Problems and poetics]. Moscow: izd-vo Mosk. un-ta., 1959.
2. Chicherin A. V. Vozniknovenie romana-epopei [The emergence of an epic novel]. 2 ed. Moscow: Sovet-skii pisatel', 1975.
3. Bilinkis Ya. S. «Voyna i mir» L. N. Problemy zhanra v istorii russkoi literatury. Uchenye zapiski LGPI. Leningrad, 1969. Vol. 320. Pp. 48–56.
4. Bocharov S. Roman L. N. Tolstogo «Voyna i mir» [The novel “War and Peace” by L. Tolstoy]. 4 ed. Moscow: Khudozh. lit., 1987.
5. Opu'skaya L. D. Roman-epopeya L. N. Tolstogo «Voyna i mir» [The epic novel “War and Peace” by L. Tolstoy]. M.: Prosveshchenie, 1987.
6. Gachev G. D. Voprosy literatury. 1965, No. 10. Pp. 149–170.
7. Hegel. Lektsii po estetike. Soch. T. XIV [Lectures on aesthetics. Works. Vol. 14]. Moscow, 1958. Pp. 253–254.
8. Akhmetova G. A. Velikaya Otechestvennaya voyna v literature, kritike i zhurnalistike: mat-ly Vserossiiskoi nauch. konf., posvyashchennoi 70-letiyu pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine i godu literatury (g. Ufa, 29–30 oktyabrya 2015 g.). Ufa: RITs BashGU, 2015. Pp. 4–12.
9. Losev A. F. Gomer [Homer]. Moscow: Gos. uch.-ped. izd., 1960.
10. Merezhevskii D. S. L. Tolstoi i Dostoevskii [Tolstoy and Dostoevsky]. Moscow: Nauka, 2000.
11. Homer. Iliada. Odisseya [Iliad. Odyssey]. Moscow: Eksmo, 2007.
12. Tolstoi L. N. Sobr. soch. v 12-ti tt. Vol. 5 [Collected works in 12 volumes. Vol. 5]. Moscow: Khudozh. lit., 1974.
13. Gachev G. D. Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form. Epos. Lirika. Teatr [Pithiness of art forms. Epos. Lyrics. Theater]. Moscow: Prosveshchenie, 1968.
14. Turgenev I. S. Sochineniya. V 2-kh tt. Vol. 1 [Works. In 2 volumes. Vol. 1]. Moscow: Khud. lit., 1987. 446 pp. Pp. 327.
15. Tolstoi L. N. Poln. sobr. soch. v 90 tt. Vol. 13 [Complete works in 90 volumes. Vol. 13]. M., Goslitizdat, 1955.
16. Tolstoi L. N. Poln. sobr. soch. v 90 tt. Vol. 15 [Complete works in 90 volumes. Vol. 15]. M., Goslitizdat, 1956.
17. Tolstoi L. N. Sobr. soch. v 12-ti tt. Vol. 6 [Collected works in 12 volumes. Vol. 6]. Moscow: Khud. lit., 1974.

Received 14.02.2019.